

Линь Цзунцзе наконец-то разглядел в Хань Лине хоть что-то человеческое. Оказалось, их хваленый учебный староста — самый обычный парень: так же зеваает по утрам, жуёт на ходу по дороге в школу и вваливается в класс в последнюю секунду перед звонком.

Сдав домашку, Цзунцзе не почувствовал никаких уколов совести. Он лениво наблюдал, как устроившийся рядом Хань Линь цедит соевое молоко. Тот мусолил соломинку добрых две минуты, словно в стаканчике размером с кулак плескался бездонный колодец. Сам Линь Цзунцзе осушил бы такую кроху в два глотка.

Манера этого парня смаковать каждый глоток откровенно бесила.

«Девчонка-неженка», — фыркнул про себя Цзунцзе.

— Эй, — Цзунцзе перевёл раздражение на Сун Чэна. Вытянув ногу под столом учебного старосты, он пнул табурет приятеля и хмуро буркнул: — А ну делись молоком, которое заныкал. Твою мать, посмотрелся на вас, аж жрать захотелось.

— Не выражайся, — Хань Линь смерил его холодным взглядом.

Линь Цзунцзе опешил, а затем возмущённо огрызнулся:

— С какого хера ты мне указывать вздумал? Что, в уставе школы или правилах класса так и записано: «выражаться запрещено»?

Как ни странно, именно это там и значилось.

Хань Линь молча выудил из парты тонкую брошюру «Повседневный кодекс поведения учащихся средней школы». Привычным жестом открыв нужную страницу, он зачитал поставленным голосом профессионального диктора:

— Раздел десятый, «Школьный регламент», пункт сорок четвёртый: «Соблюдать культуру поведения. Запрещается драться, сквернословить, сидеть на партах, учительском столе и подоконниках, а также ставить ноги на стулья».

Линь Цзунцзе лишился дара речи.

— Ты только что нарушил сразу два правила, — добавил Хань Линь. — Выразился и поставил ногу на стул.

Сун Чэн боязливо протянул заветную коробочку:

— Президент, глотни молочка. Остынь немного.

Если Линь Цзунцзе и считали парнем со странностями, то сам он полагал, что рядом с Хань Линем никто не смеет даже претендовать на это звание. Вот уж кто действительно был ходячей аномалией. Бездушный робот, киллер от мира учёбы, не знающий жалости и эмоций.

Вечно невозмутимый, правильный до тошноты. Он никогда не лез в драки и не повышал голоса. Махни у него перед носом кулаком — даже бровью не поведёт. Общаться с ним было всё равно что бить подушку: никакого отпора, только глухое раздражение в груди копится.

Схватив предложенное молоко, Линь Цзунцзе расправился с трубочкой так свирепо, словно совершал казнь: с треском сорвал плёнку, с силой вогнал пластик в фольгу и злобно прикусил кончик зубами.

Изливая всю злость на несчастный картонный пакет, он округлил глаза и принялся втягивать жидкость с таким оглушительным хлюпаньем, будто не ел неделю. На его наглой физиономии так и читалось: «Знаю, что тебя это бесит, но буду хлюпать назло. Не нравится — жду после уроков за школой!»

Хань Линь действительно повернул к нему голову. Лицо его оставалось бесстрастным, но во взгляде сквозило искреннее сочувствие, с каким обычно смотрят на юродивых. Он слегка приоткрыл испачканные соевым молоком губы и негромко обронил:

— Детский сад.

Линь Цзунцзе поперхнулся. Молоко попало не в то горло, и он разразился таким яростным кашлем, что не мог остановиться минут десять. Его лицо полыхало пунцовым цветом, а в груди немилосердно жгло.

Отнеся собранные тетради в учительскую, Хань Линь вернулся в класс, держа в руках одну-единственную работу — принадлежавшую Линь Цзунцзе.

Опустившись на стул, староста разложил перед собой его тест, достал красную ручку и буквально за пару минут усеял листы размашистыми крестами. Закончив экзекуцию, он аккуратно сложил бумагу пополам и молча положил на парту соседа.

Самого Цзунцзе на месте не было — скорее всего, опять убежал на тренировку по лёгкой атлетике. Хань Линь не стал расспрашивать одноклассников и привычно углубился в чтение, шурша методичками.

Атмосфера в девятом классе всегда была рабочей. Даже такой знатный лоботряс, как Сун Чэн, который на уроках считал ворон, а на переменах собирал все школьные сплетни, исправно зубрил материал и умудрялся удерживать планку в первой сотне учеников на параллели.

Хотя... ладно, тут нужна оговорка.

В девятом классе училось всего сорок человек. Хань Линь занимал вечное первое место, все остальные, кроме Сун Чэна, входили в топ-50 по школе. Так что Сун Чэн гордо носил звание абсолютного аутсайдера класса.

Ещё до перевода Линь Цзунцзе знал о легендарном девятом классе ключевой школы провинции — месте, где концентрировался весь цвет местной интеллектуальной элиты. Стоило ему переступить порог, как Сун Чэн тут же признал в нём лидера и великодушно объявил:

— Президент, трон худшего ученика класса теперь твой по праву. Уступаю без боя!

Линь Цзунцзе не возражал. Оценки его не волновали от слова «совсем», так что королевский подарок он принял с подобающим достоинством.

После пробежки он успел погонять мяч с парнями с физмата, а на самоподготовке без зазрения совести завалился спать. Когда он открыл глаза, класс уже опустел. Место соседа справа тоже пустовало — Хань Линь ушёл. Линь Цзунцзе замер, тупо уставившись на гладкую столешницу.

«И даже не подождал меня?» — недовольно подумал он.

Предыдущие «налёты» на старосту по дороге домой, видимо, взрастили в Линь Цзунцзе ложное чувство собственности. Не обнаружив рядом привычно согнутой над тетрадами спины, он ощутил укол досады.

Словно его бросили.

Он, понимаешь ли, проявил неслыханное благородство, согласившись пересесть, а этот гад просто развернулся и ушёл?

Цзунцзе раздражённо дёрнул лямку своего рюкзака и удивлённо нахмурился. Сумка оказалась неожиданно тяжёлой.

Расстегнув молнию, он заглянул внутрь. Там аккуратной стопкой лежали учебники, тетради, ручка и... розовая наклейка для заметок.

«Ну точно девчонка», — мысленно закатил глаза Цзунцзе, вытягивая листок.

«Твоя вчерашняя домашняя работа проверена. По правилам девятого класса все ошибки нужно переписать заново. Задания на сегодня я отметил прямо в тетрадях и бланках тестов. Пожалуйста, не теряй запала и сдавай всё вовремя. На разбор "Песни пипы" сегодня времени

не было, так что спрошу завтра — я приду пораньше. И ещё: заметил, что молоко ты пьёшь без особого восторга. С прошлых денег на такси осталась сдача, так что завтра куплю тебе нормальный завтрак. Добрых снов».

«Переписать все ошибки»? Да он издевается! Это же значит переделывать вообще всё!

А уж разбор этой нудной поэмы... Катись она пропадом!

С другой стороны, идея с завтраком Линь Цзунцзе понравилась. Утром Хань Линь так аппетитно уплетал свои булочки с соевым молоком, что слюнки текли.

Он уже смял записку и замахнулся, намереваясь отправить её точным броском в урну, но в последний момент помедлил. Разгладив бумажный комочек на ладони, он хмыкнул.

«Ладно, почерк у него действительно красивый. Пусть валяется».

Забросив на плечо рюкзак, доверху набитый заботливо собранной домашкой, новоиспечённый «президент» в отличном расположении духа зашагал к выходу, чтобы поймать такси.

— Почему опять только тесты с готовыми вариантами?

Хань Линь оказался человеком слова. Сказал, что придёт раньше — и действительно вошёл в класс за пять минут до звонка. Едва опустившись на стул, он протянул Линь Цзунцзе тёплый пакет с баоцзы и стаканчик соевого молока, забрал его тетрадь и, даже не успев достать красную ручку, разочарованно нахмурился.

— Так я только в тестах и шарю, — ничуть не смутившись, заявил Цзунцзе. Он вальяжно развалился на стуле, уплетая баоцзы с таким видом, будто грабил этот несчастный пирожок.

— Ладно, давай сначала «Песнь пипы», — Хань Линь снял колпачок с ручки и принялся с пугающей скоростью черкать красными чернилами по листам.

Линь Цзунцзе промолчал, набив рот.

— Ну, я слушаю. Первая строчка: «У реки Сюньян вечернею порою мы провожали гостя...»

Подождав пару секунд и не услышав со стороны соседа ни звука, Хань Линь оторвался от тетради и вопросительно выгнул бровь.

— Ну, я это... — Цзунцзе почувствовал, как уши обдало жаром. Лихорадочно соображая, как спасти положение, он ткнул пальцем в усыпанный красными крестами лист: — Слышь, а это не

слишком? Ты же даже не читал, просто замалевал всё красным! Это... это предвзятость! Самый настоящий саботаж моей тяги к знаниям!

— Но ты ведь действительно ответил неверно. Почему я не должен ставить крест?

— Да откуда ты знаешь, что неверно? Ты хоть одну строчку прочитал?! Ты только сел, я даже откусить толком не успел, а ты уже испоганил мне три листа!

— Тут же обычный выбор вариантов. Буквы А, В, С и D.

— И что? Чтобы их проверить, тебе самому нужно помнить правильные варианты!

— Я их помню.

— Да ладно? Прямо наизусть? Ну-ка, покажи свои шпаргалки с ответами!

Хань Линь поднял на него спокойный взгляд:

— Зачем? Я и есть правильный ответ.

«Хань Линь — ходячий правильный ответ». Против такой логики не попрёшь.

Хорошо хоть, что баоцзы к этому моменту уже проскочил в желудок, иначе Цзунцзе гарантированно подавился бы во второй раз.

Как только староста ушёл сдавать работы, Сун Чэн шёпотом подтвердил:

— Президент, он не врёт. Наш староста реально ходячий правильный ответ. Ему можно верить на слово.

— Да верю я... — буркнул Цзунцзе.

— Чего тогда споришь?

— Просто... — Цзунцзе замялся.

Ну не признаваться же, что он ни черта не выучил из этой чёртовой «Песни пипы»? Чёрт возьми, неужели великий и ужасный Линь Цзунцзе докатился до того, что краснеет перед отличником из-за невыученных уроков? Какое унижение!

Сун Чэн заворожённо наблюдал, как его босс допивает молоко, преспокойно выбрасывает мусор в личный пакетик старосты, висящий сбоку парты, а затем достаёт учебник по литературе и обречённо открывает нужный раздел.

— Мать твоя женщина, тут же целых два разворота! — ахнул Цзунцзе, но тут же осёкся, сообразив кое-что странное. — Погоди. Если он забрал мой тест, почему не отнёс его учителю вместе со всеми?

— Президент, пощади, — хмыкнул Сун Чэн. — Ты заполнил от силы пять строчек, да и те неправильно. Кому, кроме нашего святого старосты, охота возиться с твоей пустышкой? В приличных кругах за такое даже братья не станут.

В классе отличников царили свои негласные суеверия. Перед важными экзаменами они вешали на стены плакаты с детектором Конаном, на завтрак обязательно съедали сосиску и два круглых яйца, чтобы получить заветную сотню баллов, и старались держаться подальше от двоечников — не дай бог навлечь на себя гнев богов науки. Прикоснуться к чужому чистому листу или тесту с нулевым результатом считалось худшей приметой: сразу карму испортишь.

Размяв затёкшие плечи, Цзунцзе поднялся из-за парты. Направляясь на сборы, он впервые в жизни сделал доброе дело — прихватил с собой мусорный пакет со стола соседа.

За годы учёбы у него сменился не один десяток соседей по парте. Парни, девчонки, тихони и заводилы — кого он только не видел. Но такое чудо, как Хань Линь, повстречалось ему впервые.

В обед на мобильный звякнули старые приятели из Седьмой средней школы. Парни ехали мимо и предложили перекусить где-нибудь поблизости. Сначала Цзунцзе хотел отказаться — надо же было доучить эту проклятую поэму, но вовремя опомнился.

«Да пошла она на хер, эта "Песнь пипы"!» — мысленно сплюнул он.

Они договорились встретиться в ресторанчике в пяти сотнях метров от школы. Едва переступив порог, Линь Цзунцзе запеленговал свою старую компанию. Четыре «олимпийских фува» — разукрашенные во все цвета радуги — сидели за угловым столиком, затягиваясь сигаретами и строя из себя криминальных авторитетов.

— Брат Цзунцзе! — окликнул его Хэ Линьчуань. Выпустив изо рта ровное сизое колечко дыма, он приветственно взмахнул рукой.

Вся эта банда, разумеется, щеголяла в гражданском. Линь Цзунцзе после перевода пришлось поумерить пыл: правила в новой школе были драконовскими. Мало того что на входе требовали электронные пропуска, так ещё и за внешним видом следили строже, чем в армии. Отрастишь волосы чуть длиннее положенного или забудешь подстричь ногти — дежурные тут же, на вахте, устроят тебе экспресс-стрижку тупыми ножницами.

Поэтому сейчас Цзунцзе, зажатый в рамки строгой школьной формы, чувствовал себя на редкость нелепо среди старых друзей, больше походивших на сходку мелкого криминалитета.

Су Линь привычным жестом чиркнул зажигалкой и протянул ему сигарету. Линь Цзунцзе не успел даже открыть рот, чтобы отказаться, как кто-то изящно перехватил её тонкими пальцами. Сигарета исчезла прямо у него из-под носа.

— Устав школы чётко гласит: учащимся средних классов курить строго запрещено. Одна из причин заключается в том, что при горении табака выделяется целый спектр токсичных и канцерогенных соединений. Кстати, ты в курсе, какое из этих веществ имеет соотношение массы элементов три к четырём?

В воздухе повисла звенящая тишина.

Линь Цзунцзе и четвёрка «олимпийских фува» медленно, как по команде, повернули головы к незваному гостю.

<http://bllate.org/book/18229/1751889>